Александра С. Курленкова
Центр медицинской антропологии ИЭА РАН, Москва, Россия

Работа тела и технологий: анализ практик чтения и письма в Курском музыкальном колледже-интернате слепых

Автор предлагает посмотреть на инвалидность (*disability*) как на ситуативные ограничения, препятствующие человеку в совершении конкретных действий в конкретной ситуации. Инвалидность — это не постоянный атрибут тела и не «перспектива» врачей или обывателей. В статье показано, что эффективная, слаженная работа тела, технологий и иных акторов приводит к тому, что инвалидность часто не п(р)оявляется в практиках участников исследования — студентов Курского музыкального колледжа-интерната слепых. Например, привыкнув к использованию аудиопрограмм, синтезирующих речь из цифрового текста, студенты читают «на слух» электронные книги, веб-сайты, сообщения, почту, пользуются соцсетями.

Однако инвалидность случается, если программа озвучки наталкивается на некое препятствие, например, CAPTCHA — графическое изображение, которое человек/программа должен распознать, чтобы получить доступ к содержанию сайта. Появление элемента, не различаемого телесными *sensoria* и программными средствами, может разомкнуть взаимодействие, прервав плавный поток работы с электронным текстом. Столкнувшись с такой ситуацией, человек или прекращает взаимодействие, или обращается к помощи зрячего, или, если это возможно, задействует новые технологии. Инвалидность как ограничения в действии, таким образом, п(р)оявляется каждый раз по-разному, ее триггером могут служить разные элементы ситуации.

Ключевые слова: инвалидность, Аннмари Мол, Джон Ло, расширения человека, технологии, тело, техники тела, практики, сенсорные модальности

Курленкова Александра Сергеевна — кандидат исторических наук, магистр биоэтики, магистр социологии. Научный сотрудник в Центре медицинской антропологии ИЭА РАН. Научные интересы: социальные исследования тела, инвалидности, медицины. E-mail: askurlenkova@gmail.com
Aleksandra S. Kurlenkova — PhD in history, MA in bioethics, MA in sociology. Researcher at the Center for Medical Anthropology, IEA RAS. Research interests: social studies of medicine and the body, disability studies. E-mail: askurlenkova@gmail.com

Aleksandra S. Kurlenkova, Center for Medical Anthropology, IEA RAS, Moscow, Russia
The Work of Body and Technologies: Analysis of Practices of Reading and Writing in Kursk Musical College-Boarding House for the Blind

We suggest looking at the object of our study — disability — through the prism of science and technology studies. Disability is neither an entity rooted in the body, nor a "perspective" of doctors or lay people. (Dis)ability is always the effect of concrete material practices. Successful body and technology work leads to the fact that blindness is not enacted in the practices of participants of the study — students of the Kursk Music College of the Blind. For example, accustomed to the use of audio programs synthesizing speech from the digital text, students read books, websites, messages, mail, use social networks.

However, disability is enacted, for example, when they encounter CAPTCHA, i.e. codes from pictures requested by some sites. The appearance of a graphic element that is not distinguishable by the physical sensoria and computer software can disentangle interaction, interrupting a smooth flow of work with an electronic text. Faced with this situation, a person either stops interacting, or appeals to the help of a sighted person, or — if possible — uses new technologies. Disability as some kind of limitation on actions thus appears every time in a different way, it can be triggered by different elements of the situation.

Keywords: disability, Annemarie Mol, John Law, human extensions, technologies, body, techniques of the body, practices, sensory modalities

doi: 10.22394/2074-0492-2017-3-122-143

Инвалидность часто воспринимается как некая стабильная данность, как вещь, качество, атрибут, укорененный в телах людей и/или в представлениях, в дискурсе, в том, как мы говорим и пишем об увечном теле. Джон Ло отмечает, что вся евро-американская метафизика принуждает нас думать, что, с одной стороны, существует некая единая (сингулярная) реальность, предшествующая тому, что происходит здесь и сейчас, а, с другой, — обсуждать плюральность точек зрения на эту реальность [Law, 2004, p. 62]. Линии осмысления *инвалидности* аккуратно вписываются в эту развилку: инвалидность видится или как биологическая данность, не зависящая от и предшествующая всему, что делают врачи, люди, наделенные статусом инвалидов, их родственники, исследователи disability и журналисты, а также материальному устройству квартир, подъездов, общественных мест, городских пространств; или как точка зрения, перспектива, репрезентация, эффект дискурса об инвалидности.

Автор статьи хочет расшатать эти способы мышления об инвалидности. Это первая попытка осмыслить материалы, собранные в Кур-

ском музыкальном колледже-интернате слепых в апреле 2017 г.[1], и создать концептуализацию инвалидности как ситуативного феномена, п(р)оявляющегося в конкретных практиках, а не присущего человеку a priori. В этом смысле вместе с Джоном Ло и Аннмари Мол автор совершает работу по «де-центрации» объекта, в данном случае инвалидности по зрению.

Тело человека понимается в тексте как гибкая, развивающаяся субстанция: человек приобретает телесные навыки и привычки в результате научения, проделываемой работы. Тело не заканчивается кожей, но может продолжаться в различных технологических устройствах (белая трость, пожалуй, самый часто упоминаемый пример в случае незрячих людей) и включать неорганические компоненты (например, линзы, очки, искусственный хрусталик) и даже других живых существ (если мы осмелимся назвать собаку-поводыря продолжением тела незрячего человека). Успешное выполнение тех или иных задач (ability, способность) связано с эффективной, слаженной работой целого ряда гетерогенных элементов. Например, успешный переход незрячего человека через дорогу связан с удобным устройством городской среды (наличием звукового светофора, выпуклых тактильных направляющих на тротуаре перед зеброй), а также его умением распознавать звуки и поверхности (оценивать скорость и направление движения машин на слух; различать конец и начало дороги, ее неровности, прохожих с помощью белой трости).

Когда одного или нескольких из этих элементов не хватает или он(и) по какой-то причине не работае(ю)т, появляется инвалидность (disability, ограничения в действиях). В предлагаемой оптике слепоты не существует как онтологической данности вне конкретных практик, кабинетов врачей, комиссий МСЭ, автобусных остановок, лифтов, дорог, банкоматов, школ, библиотек, магазинов, веб-сайтов, компьютеров и программ, которые ее активируют, исполняют, задействуют.

Мысль о том, что тело человека не заканчивается кожей, можно проследить у авторов середины прошлого века, предложивших рассматривать архитектурно-технологическую среду как продолжение, или *расширение* (extension) его органов и функций. «Развивая свои расширения, — пишет антрополог Холл, — человек смог улучшить и специализировать различные функции. Компьютер — это расширение части мозга, телефон расширяет голос, колесо расширяет ноги и ступни. Язык расширяет опыт во времени и про-

1 Исследование выполнено в рамках грант РФФИ 15-06-05583, руководитель — Е.Э. Штейн.

странстве, а письмо расширяет язык» [Hall, 1990, p. 3–4]. Продолжая эту идею, М. Маклюэн [McLuhan, 1994] рассматривает изобретение различных материальных артефактов — дорог, одежды, домов, денег, часов, прессы, радио, телевидения и проч. — буквально как приобретение человеком новых частей тела.Автору близко «динамическое понимание» тела; его становление осуществляется в интеракциях с миром вещей и инструментов [Латур, 2015]. Тело не данность, оно меняется во времени, приобретая и теряя качества и органы. Восприимчивость ко все новым различиям этого мира достигается телом во взаимодействии с другими людьми и вещами.Благодаря тренажерному комплекту ароматов и инструкциям преподавателя, будущие парфюмеры учатся узнавать новые запахи, т. е. «обзаводятся носами»: «Начиная с онемелого носа, способного распознать немногим больше, чем “приятный” и “неприятный” запахи, довольно скоро становятся “носом” (*un nez*), а именно тем, кто способен улавливать все более тонкие различия и может отделять одни от других, даже когда они замаскированы и представлены в смесях. Вовсе не случайно, что человек здесь называется “носом”, так, словно на практике ученица *обзавелась* органом, который определил ее способность выявлять химические и прочие различия. В результате тренировочного курса она обрела нос, который позволил ей обосноваться в изобилующем многообразными оттенками мире. Таким образом, *части тела постепенно приобретаются* [курсив мой — *А.К.*] одновременно с появлением нового способа регистрации соответствующих “контр-частей в мире”. Обретение тела тем самым — это постепенное предприятие, которое производит вместе и воспринимающий медиум, и воспринимаемый мир» [Там же, с. 252–253].

Любая успешная сенсорная (и шире соматическая) активность предполагает, что за ней стоит *работа* по научению видеть, слышать, обонять, чувствовать на вкус и т. д., т. е. опыт «научения быть аффецируемым» окружающим миром. По выражению Мерло-Понти [1999, с. 287], «зрение мало что значит без известного обращения со взглядом», т. е. то, что кажется нам «естественным» визуальным, аудиальным или тактильным восприятием, в действительности является результатом проделанной работы по научению определенным образом использовать органы чувств. В этом смысле наши взаимодействия с материально-техническими объектами скрывают, с одной стороны, проделанную архитекторами и дизайнерами работу по сенсорной организации пространства и, с другой — проделанную нами работу по научению эти объекты воспринимать и использовать.

В статье анализируются конкретные аудиальные, (дополненные) визуальные и тактильные практики и технологии, используемыми

незрячими и слабовидящими людьми[1] для чтения и письма. Эффективная, слаженная работа тела, технологий и других элементов ситуации позволяет человеку без зрения беспрепятственно и легко читать и писать. И, наоборот, поломка одного из звеньев способствует тому, что взаимодействие размыкается и появляется инвалидность. Анализ практик чтения и письма осуществляется в первую очередь на основе видеоматериалов, снятых в Курском музыкальном колледже-интернате слепых[2]; кроме того, используются фрагменты интервью разных лет (2015–2017 гг.) с выпускниками Российской государственной специализированной академии искусств; студентами Кисловодского медицинского колледжа; сотрудниками московского колл-центра; людьми, профессионально занимающимися ассистивными технологиями для незрячих людей. Возраст участников — от 18 до 59 лет.

Версии инвалидности

Инвалидность по зрению (говоря официальным языком) часто воспринимается как некая единая, константная сущность, однако на практике версии слепоты расходятся. Например, то, как инвалидность *делается* в Бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), и то, как инвалидность *случается* с незрячим человеком, который плохо слышит улицу из-за падающего снега, — это феномены столь же разные, сколь и составляющие их практики и события.

Бюро медико-социальной экспертизы оценивает технические показатели зрения человека: «стойкие нарушения функций глаза», которые замеряются по двум критериям — остроте зрения и полям зрения. Человек делается инвалидом по зрению, если комиссия обнаруживает, что острота зрения его/ее лучше видящего глаза с оптимальной коррекцией составляет от 0 (1-я группа) до 30% (3 группа), а поля зрения сужены от 10 до 50 градусов (Приказ № 1024н). Кроме того, чтобы инвалидность возникла, необходимо, чтобы комиссия нашла у оцениваемого человека определенные ограничения жизнедеятельности, выражающиеся в сложностях в самостоятельном передвижении, самообслуживании и проч. На практике для кон-

1 Само по себе словосочетание «незрячий человек» наводит на мысль о слепоте как качестве индивида, а не характеристике ситуации или практики. Русский язык, увы, не дает достаточных лингвистических инструментов для описания слепоты как эффекта практик.

2 Я выражаю благодарность всем студентам, преподавателям, администрации колледжа, которые позволили понаблюдать и осуществить съемку занятий. Кроме того, благодарю оператора Егора Чернова за техническую организацию, съемку и монтаж видео.

струирования инвалидности в кабинете МСЭ важны все действующие участники (сам кандидат, его тело, комиссия) и предметы обстановки (стол, стулья, ручки, документы, интернет) (см. подробно об этом статью Л. Торлоповой в настоящем номере).

За стенами бюро МСЭ в других практиках, ситуациях, местах, как показывает наша полевая работа с участниками исследования, инвалидность включается самыми разными элементами. Так, 25-летнего Пантелея она *касается* только в ночное время, если он оказывается на плохо освещенной улице. Конститутивным элементом инвалидности здесь является *время суток*.

> Получается, когда сумерки, если нет фонариков, какого-то света, а просто темнота, то я уже не вижу ни вблизи, ни вдалеке, я, как ежик в тумане, хожу вроде бы, что-то пытаюсь найти, но ничего не получается.
> *Пантелей, 25 лет.*

Слепота п(р)оявляется как континуум ощущений/способностей, зависящих от того, что, где и когда человек делает, какие события с ним происходят. Например, человек может делаться *более* слепым, если на улице идет снег.

> Вот, допустим, зима, снег идет. Для незрячего человека это как будто в мешке получается, потому что он плохо слышит окружающую среду. Снег заглушает.
> *Александр, настройщик пианино.*

Сергей хорошо видит контуры и очертания предметов и людей. Для него инвалидность задействуется в ситуациях, когда нужно разглядывать *детали* изображения.

> Вот на таком расстоянии я вижу ваш силуэт, но понятие не имею, как выглядит ваше лицо. То есть я вижу будто через матовое стекло. Хоть близко поднесите что-то, матовое стекло не убирается. Контуры, очертания и день — ночь отличаю.
> *Сергей, 42 года.*

Для Маргариты инвалидность — это в первую очередь невозможность видеть на *периферии* полей зрения, а также различать *цвета*.

> Болезнь Штаргардта — это дистрофия сетчатки, т. е. нарушение целостности сетчатки, из-за этого теряется острота зрения и центральное зрение, остается только периферия, что неудобно для чтения, для мелкой скрупулезной работы. Да еще и потеря цветов идет. Окружающий мир я вижу. У меня есть знакомая из интерната, у нее мама с таким же заболеванием, я с ней пообщалась, она подтвердила, что видеть я буду, но цвета...
> *Маргарита, 19 лет.*

Ограничения в действии всегда проявляется конкретно, их триггерами могут выступать время суток и погодные условия, ситуации, когда человек должен различать цвета или предметы на периферии зрения, разглядывать мелкие детали. Скорее, мы можем говорить о *мерцающем зрении*, о *ситуациях, событиях, практиках*, в которых слепота в большей или меньшей степени проявляет себя как невозможность совершить какое-то важное действие, получить какую-то важную информацию.

Слова «инвалидность» (в значении постоянного свойства индивида) или «инвалид» также плохо применимы к людям, не имеющим (остаточного) физиологического зрения.

> У меня светоощущение, ну, оно очень невнятное, т. е. я могу, смотря на свет, долго сомневаться, есть он или нет на самом деле... Поэтому можно считать, что зрения практически нет, совершенно.
> *Иван, 28 лет.*

В работе звукорежиссера Ивана, так же как и в работе других музыкантов, с которыми общалась или за которыми наблюдала автор, инвалидности *нет*: их взаимодействие с музыкальным инструментом или оборудованием натренировано в ходе долгих занятий в колледже или академии искусств[1].

> Среднестатистический зрячий человек не всегда может отличить, с какой стороны идет звук, — даже до такого доходит! Вот звукорежиссеры, которые только начинают учиться, я имею в виду зрячих звукорежиссеров, их учат отличать, что сейчас звук слева звучит, а сейчас справа. То есть понимать, что он слева направо переходит, а сейчас справа налево, а сейчас мы введем задержку между каналами, и один канал становится громче, чем другой. Это все показывают и учат. И вот в этом состоянии он погружается в этот мир звуковой. А ему иначе нельзя, потому что это его работа. Если он туда не погрузится, он, ну, не достигнет никогда того успеха... то есть он никогда не сделает фонограмму, я имею в виду фонограмму в общем смысле, как звучащий продукт, который будет на уровне фирмы какой-нибудь. Это будет невозможно! Либо человек в это вникает и работает над собой, либо он не вникает, и он ничего не сделает. Ну, вот зрение здесь никак помочь не сможет, к сожалению. Разве что зрение, конечно, очень удобно, когда речь идет о всяких программах, например, дополнительных...
> *Иван, 28 лет.*

1 Имеется в виду Курский музыкальный колледж-интернат слепых и Российская государственная специализированная академии искусств, в которых незрячие и слабовидящие люди получают среднее и высшее музыкальное образование.

Обучение профессии звукорежиссера не подразумевает опору на зрение, а означает тренировку специфических слуховых навыков. Более того, в интервью Иван подчеркивает, что наличие зрения в его работе мешает, потому что отвлекает от более полного анализа звука. Инвалидность в работе незрячего звукорежиссера п(р)оявляется лишь в выборе тех программах-редакторов, с которыми он(а) может работать.

> Программа «Сонар» — это мультитрековый редактор... Он не такой популярный, потому что визуально не очень удобный, но для нас это единственная озвученная программа из таких вот крупных, именно из серьезных. Есть еще одна, но пока она как бы так, в работе [усмехается].
> *Иван, 28 лет.*

Музыка служит тем пространством, в котором люди со зрением, люди без зрения и не-человеческие элементы могут взаимодействовать, *не активируя* инвалидность.

> Когда встречаются незрячий и зрячий, если они интересуются музыкой, то они сразу находят общий язык. Они уже не думают о том, что я, вот, не вижу, а он видит. Или если человек видит, он уже не думает, а что я с ним буду делать? А музыка — это общий язык, там не надо ничего смотреть, там все внутри, в ней все сказано, в звуках.
> *Андрей, 55 лет.*

Компетентный исполнитель музыки, аранжировщик или звукорежиссер обходит ситуации п(р)оявления инвалидности, когда занимается своим делом. Интересно, что это же касается и некоторых компетентных слушателей музыки. К подобному выводу приходят Джон Ло и Ингунн Мозер, проводившие исследование людей с множественной инвалидностью в Норвегии. Во время разговора с Биргит, девушкой, имеющей тяжелую стадию детского церебрального паралича, их заинтересовало ее отношение к музыке. Джон, не говоривший на норвежском и оттого просто наблюдавший за ситуацией общения Ингунн, Биргит и ее матери, заметил, что, когда девушка включала свою любимую музыку, она полностью в нее погружалась. Музыка становилась тем «протезом, который позволял ей артикулировать текучую форму субъективности». Когда Биргит слушает музыку, она становится столь же «“успешной” или “неуспешной” слушательницей, что и любой другой субъект в романтичном мире, созданном из страстных желаний, потерь, мечтаний и единения» [Moser, Law, 2003, p. 10]. «Биргит не “инвалид”, когда она слушает музыку» [Ibid.].

Работа тела и технологий: анализ практик чтения и письма в Курском музыкальном колледже-интернате слепых

Чтение и письмо и соответствующие им навыки визуального распознавания и производства символов развиваются с детства и входят в обойму ключевых социальных практик. Мы читаем номера домов, когда ищем нужный адрес, так же, как и расписание кинотеатров, автобусов и цены на продукты в магазине. Мы расписываемся в банках и госучреждениях и ставим галочку напротив нужной фамилии в бюллетенях на политических выборах. Современная жизнь в виртуальном пространстве предполагает фактически круглосуточное участие *глазами* в социальных сетях и форумах, проверку электронной почты, поиск и чтение информации в интернете. Социоматериальная реальность вовлекает нас в большое число визуальных практик, требующих особой работы нашего зрения.

Для участия в практиках чтения и письма люди с ограничениями зрения обзаводятся целым набором сенсорных навыков и технологий и учатся работать в *невизуальных* модальностях или модальностях *дополненной визуальности*. Чтобы проиллюстрировать разнообразие и конфигурации этих практик, мы обратимся к эмпирическому материалу, собранному в Курском музыкальном колледже-интернате слепых. Слабовидящие студенты колледжа часто читают и пишут в (дополненной) визуальной модальности. Несколько участников исследования, имеющих остаток зрения, говорили о том, что выбирают именно визуальную, а не брайлевскую или аудиальную модальность для работы с текстами.

> Вот, я, допустим, слабовидящий, и такая есть тенденция — пока ты чуть-чуть еще видишь, ты будешь до конца держаться, не будешь всякие «говорилки» осваивать.
> *Владимир, 28 лет.*

Кто-то подносит телефон или текст близко к глазам под определенным ракурсом; кто-то использует крупные знаки на любых рукописных или электронных носителях; кто-то пользуется встроенными в гаджеты лупами.

Электронная лупа — одно из наиболее распространенных устройств дополненного зрения. Подобная лупа в виде большого стационарного экрана стоит в библиотеке колледжа: на ней можно менять размер, контрастность и цвет любого подносимого печатного текста. Кто-то из студентов пользуется карманным гаджетом наподобие смартфона или скачивает соответствующую програм-

му на телефон — ими можно водить по книге или распечатке, увеличивая написанное. Управлять компьютером и масштабировать электронные тексты на экране можно с помощью соответствующей встроенной функции.

> Да, у меня есть остаточное зрение, я могу читать через средства увеличения, через лупу электронную и ноты, и тексты. [В Курске] с появлением увеличительных устройств я [учился] исключительно через них, через лупу.
> *Денис, выпускник колледжа.*

Денис идет в библиотеку колледжа и садится напротив стационарной электронной лупы, имеющей две плоскости -горизонтальную и чуть выше нее вертикальную. На горизонтальную кладется партитура, на большом вертикальном экране в увеличенном в несколько крат виде появляются изображения нот. Одной рукой он плавно передвигает ноты по нижней плоскости; глазами следит за их последовательным появлением на вертикальном экране; второй рукой тихонько разбирает произведение на баяне. Денис говорит, что лупа — удобное, но дорогое приспособление:

> И когда, кстати, я поступил в Академию московскую, там этого устройства не было. Оно было одно на всю академию и доступно исключительно для пользования в библиотеке. Пришлось пробивать. Купили там похожее устройство, но немного другое.

Другая технология расширения зрения — *программы и аппараты сканирования* — позволяет переводить печатные тексты в электронный вид и менять их параметры. Благодаря им студенты, имеющие сохранное зрение, продолжают читать учебники, адаптируя их под собственную способность визуального различения. Сканируя изображения, они переводят печатный текст в электронный формат, настраивают его размер и контрастность под собственные особенности зрения и читают — или с экранов электронных гаджетов, или распечатывают и читают с листа.

В отдельных ситуациях студенты с остаточным зрением отдают предпочтение тактильному письму. Студентка Аида может читать глазами, но предпочитает важную информацию записывать и читать на Брайле.

> Я могу и по-зрячему читать, но мне немножко сложно. Я делаю себе очень большой шрифт, если надо что-то читать, задания проводить. Если честно, мне по Брайлю как-то легче. Одно дело глаза напрягать, другое — раз, прочитал [руками] и все.
> *Аида, 28 лет.*

В других ситуациях письмо и чтение по Брайлю не являются предметом личного выбора, но предписываются самим местом и контекстом взаимодействия. Именно на языке Брайля написаны основные учебники в колледже.

> Мне кажется, что Брайль очень важен, потому что, вот, даже по сольфеджио у нас есть книги, мы из книги поем номера. А если бы не было этих книг, нам приходилось бы заучивать все эти номера...
> *Аида, 28 лет.*

Чтение и письмо на нотном шрифте Брайля считается наиболее правильным медиумом в образовании людей с ограничениями зрения. Грамотность, по мнению преподавателей и студентов музыкального колледжа, задействуется только при тактильном письме и чтении во многом потому, что степень детализации информации на языке Брайля близка к детальности плоскопечатного текста.

> Грамотность человека приходит к нам через текст все-таки, а не через уши. Будь то плоский шрифт или Брайль — никогда человек не научится правильно писать, обучаясь на слух.
> *Александр, создатель электронной библиотеки аудиокниг для незрячих людей.*

Каждый символ шрифта Брайля состоит из шести точек, различные комбинации которых кодируют всю систему знаков алфавита. (Каждый национальный язык имеет собственную систему символов на Брайле.) Если человек теряет зрение в детстве, то велика вероятность, что он выучит Брайль в спецшколе. Если же зрение исчезает в старшем возрасте или если ребенок не учился в спецшколе, то он может доучить Брайль в любом возрасте на курсах Всероссийского общества слепых. При поступлении в специальный колледж массажа или музыки незрячему абитуриенту также обязательно приходиться доучивать Брайль на первых курсах, так как сама система специального образования предписывает преподавателям и студентам практиковать Брайль как эталонный академический язык.

Сравнивая обучение по Брайлю с обучением на слух (разучивание музыкальных произведений по аудиозаписям), студенты и преподаватели музыкального колледжа говорят, что обучение на слух идет быстрее, но оно менее технично и детально, т. е. меньше подходит для сложных произведений.

> Но есть плюсы и минусы этого [обучения на слух]. Плюсы: быстро учится мелодия и слова можно быстро выучить. Но это кому как. А минус чисто для меня: если в тексте написано половинная нота, то есть

> ее нельзя перетягивать, а в аудиоверсии могут перетянуть. Может фермата стоять, но на самом деле этой ферматы в нотной записи может и не быть. Вот в этом-то и минус, что надо обязательно смотреть, как это будет в нотной записи.
> *Адиль, 18 лет.*

> [В колледже я] узнал, что, оказывается, в нотах очень много всего обозначается, что можно, конечно, выучить на слух все, но каждый исполнитель, он накладывает какие-то свои впечатления на музыку...
> *Иван, 28 лет.*

Академический способ тактильного чтения нот по Брайлю иногда приходит в конфликт с его скоростью, а также свойствами самой бумаги: ее недолговечностью и дороговизной. Материальность объектов, включенных в практики чтения и письма, имеет значение: даже плотная бумага, на которой печатаются брайлевские книги, со временем затирается, и точки становятся неразличимы для пальцев.

> Допустим, ребенок занимается по этим нотам. Если кто-то другой потом по этим нотам будет заниматься, они могут быть уже непригодны, потому что точки затираются, и мы распечатываем заново.
> *Машинистка по Брайлю.*

Другим минусом тактильного письма, отмеченным студентами, является затрачиваемое время. Чтение по Брайлю, а тем более разбор написанного на нем музыкального произведения, занимает в несколько раз больше времени, чем чтение или разбор музыки по плоскопечатным нотам.

> [Играть ноты по Брайлю]...гораздо дольше.... Что-то в одной стороне [руке], что-то в другой, свести все это одновременно во времени... Можете себе представить. Вот у них написано, скажем, 8 тактов левой руки, 8 тактов правой руки. Он запоминает эти 8 тактов, потом следующие и потом начинается сведение.
> *Преподаватель фортепиано.*

> Сейчас преподаватели дают билеты в электронном виде. На флешку скидывают, и ты просто читаешь эти билеты [в аудиоформате] и учишь их таким образом. На Брайле на это уйдет много страниц, потому что ваша одна страница — это наши три страницы на Брайле.
> *Адиль, 18 лет.*

«Правильные», академичные, сложные практики чтения и письма нот и экзаменационных билетов по Брайлю уступают по удобству более экономичным и быстрым практикам *аудиочтения* (прослушивания цифровых текстов, лекций) и *письма* (записи речи на дикто-

фон и другие устройства). Если тактильное письмо и чтение по Брайлю используются в академических контекстах, то в повседневной жизни студенты часто отдают предпочтение аудиоформату.

> Чаще всего печатаю на компьютере и читаю информацию тоже с компьютера, потому что многие книги недоступны по Брайлю. Чтобы их напечатать, уходит много денег.
> *Адиль, 18 лет.*

Адиль работает на компьютере через так называемую *программу экранного доступа* — синтезатор речи, который озвучивает все происходящее на экране монитора. Программа превращает в речь любые виды текста: электронные книги, сайты, сообщения, почту и т. д. Натренированный пользователь может слушать программу в ускоренном режиме, что позволяет сэкономить время, затрачиваемое на усвоение текста. Аналогичные синтезаторы речи на смартфонах (программа TalkBack на Android и VoiceOver в айфонах) дают возможность выбрать для озвучки понравившийся женский или мужской голос.

> У меня Андроид, и стоит TalkBack. Допустим, надо какой-то текст большой прочитать, я не буду глазами его читать, раз — включила говорилку, прочитала и нормально.
> *Аида, 28 лет.*

Вводить текстовую информацию в свой гаджет слабовидящий человек может, используя крупные шрифты, а полностью незрячий — через программы распознавания голоса (самые распространенные — «О'кей, Google», Siri, Ассистент Дуся).

> Потому что сейчас компьютер — это большое окно в мир. Потому что там можно все это озвучить. И через компьютер, и интернет, и аудиокниги, и чего хочешь там. Смартфоны, мессенджеры. Даже если человек вообще не видит, там «Окей, Гугл». Просто наговорил, и там уже весь текст есть. И я считаю, это колоссальный прорыв.
> *Владимир, 28 лет.*

> У меня на другой камере есть голосовой набор, например, «Снимаю» — он снимает... Включаю музыку, там, «Плей» — включаю; «Стоп» — он останавливает. Даже такие вещи уже есть. Очень удобно.
> *Аида, 28 лет.*

Программы аудиодоступа и голосового набора — это удобные и быстрые способы воспроизведения и записи текста. Работа по усвоению аудиоинформации кажется гораздо более простой, чем трудо-, время- и материально затратное чтение и письмо по Брайлю.

А если лекцию нужно подготовить на следующее занятие, я записываю на диктофон, чтобы не тратить время на брайлевскую печать и не тратить брайлевские листы, потому что их очень мало сейчас... Здесь листы выдают в колледже, но я могу ... заказать через интернет брайлевские тетради. Они стоят 25 рублей, я их заказываю, и мне их привозят из Санкт-Петербурга.
Адиль, 18 лет.

Вопрос: А вы читаете по Брайлю сами художественную литературу?
Александр: Художественную сейчас некогда, честно скажу. У меня шесть работ, мне просто некогда. А слушать люблю.
Вопрос: Аудиокниги слушаете?
Александр: Очень люблю. Я с детства люблю книги слушать.
Александр, настройщик пианино.

Когда я училась в вузе, мне без интернета никак. Я оттуда брала уйму информации. Я не могу книгу взять в библиотеке, мне это не поможет. Поэтому я брала электронный вариант, программу озвучки.
Ирина, 28 лет.

Ирина упоминает о том, что даже в специализированной библиотеке для слепых сложно найти нужную литературу по Брайлю. На Брайле печатаются классические произведения, учебники, специализированные журналы, но сложно найти, скажем, книжные новинки в жанре академической литературы или *fiction*. В этом плане возможность аудиовосприятия цифровых книг имеет огромное значение для людей, не читающих глазами. Текст «в цифре» оказывается более широкодоступным, нежели тактильно или визуально воспринимаемый печатный текст. Кроме того, цифровой текст можно читать как визуально, так и аудиально в отличие от «моносенсорной» организации плоскопечатных или брайлевских изданий.

По Брайлю книг сейчас выпускается меньше, потому что спрос определяет предложение. Брайлистов становится все меньше и меньше. По разным причинам. Ну, и слепых детей становится меньше, и в школах Брайль не очень хорошо преподается. Ну и самое главное, что продвинутые ребята сейчас на интернет перешли, на компьютеры. А там Брайль, ну, другой немножко... Некоторые пользуются брайлевскими строками на компьютере, но... Я, например, предпочитаю JAWS [программу экранного доступа], говорилку... Я Брайль знаю, но... Я бы просто не был в состоянии пальцами прочитать тот объем, который необходим.
Владимир, редактор специализированного журнала для незрячих «Наша жизнь».

Владимир упоминает *брайлевские строки*, т. е. современные дисплеи, позволяющие человеку читать и писать цифровые тексты на Брайле.

Брайлевская строка представляет собой ряд расположенных рядом ячеек, внутри которых выдвигаются стержни. Визуальный текст на компьютере или планшете преобразуется в сигналы, которые дают соответствующие импульсы стержням — выстукивать под пальцами человека брайлевские буквы. Человек проводит пальцем по ячейкам и считывает слова. Такие устройства сегодня могут приобрести лишь крупные образовательные учреждения, для частного пользователя они пока что слишком дороги[1].

Цифровые технологии и возможность превращения любого текста или речи в цифровую информацию, по сути, преодолевают окулярцентричность таких ключевых социальных практик, как чтение и письмо. Печатные медиа — любая книга, любой журнал или газета — могут быть отсканированы и переведены в электронный формат, а затем прочитаны с помощью программы экранного доступа. Эти же программы обеспечивают людям без зрения аудиальный доступ к текстовой информации в интернете без задействования инвалидности.

Однако ограничения все же могут настигнуть пользователя, если программа озвучки наталкивается на препятствие: графический элемент на странице.

> У меня есть одна проблема — мне не видно, что нарисовано на картинках. А так все, как у зрячих.
> *Павел, студент колледжа.*

Вслед за Павлом другой студент, Евгений, жалуется на CAPTCHA, т. е. коды с картинок, которые запрашивают некоторые сайты, чтобы убедиться в том, что пользователь не робот. В таких ситуациях, добавляет его сосед, без зрячего человека не справиться, а он сам может 15 раз подряд вводить символы неправильно. Появление не различаемого телесными *sensoria* и программными средствами компьютера графического элемента может разомкнуть взаимодействие, прервав плавный поток работы с электронным текстом.

Графические изображения являются теми местами в аудио-формате работы с текстом, где п(р)оявляется слепота. Столкнувшись с такой ситуацией, человек или прекращает взаимодействие, или обращается к помощи зрячего, или — если это возможно — задействует новые технологии.

Денис в отличие от Павла и его соседей часто прибегает к третьему варианту. Он делится с нами информацией о новой и все более

1 По словам Анатолия, сотрудника компании, занимающейся распространением тифлотехники, в 2016 г. стоимость одной брайлевской строки составляла от 80 (14 символов) до 145 (40 символов) тыс. руб.

широко используемой *программе оптического распознавания*, которая, если на картинке изображен текст, может увидеть и прочитать его вслух.

> Смотрите. Существует такое приложение на Android OCR [англ. optical character recognition, OCR. — *прим. автора*]. Нажимаем на него, выбираем изображение нужное. Это, кстати, может быть хоть что. Например, часто в социальных сетях новость публикуется в изображениях. Вот у меня скрин был сделан с сайта ВКонтакте. Я выбираю его, выбираю язык... И ждем, пока произойдет распознавание изображения... Очень удобно также и с ценниками. Правда, для этого надо иметь достаточно качественную камеру с хорошим фокусом. Если такое есть, то удобно и можно этим пользоваться.
> *Денис, выпускник колледжа.*

Благодаря программе оптического распознавания и телефону с хорошей камерой взаимодействие, разорванное CAPTCHA, возобновляется, и программа произносит содержание текста, изображенного на картинке. Если же на картинке не текст, а что-то другое, то эта программа оказывается бессильной, взаимодействие остается разорванным и нуждается в привлечении новых элементов для починки.

OCR (пока) не используется студентами широко. Кто-то из них слышал о том, что с ее помощью в магазине можно читать ценники и надписи на продуктах, но тем не менее предпочитает рассчитывать на собственные силы или просить о помощи зрячих. Технология оптического распознавания доступна только на телефоне с хорошей камерой. На успешный ход взаимодействия, таким образом, накладываются дополнительные материальные условия. Кроме того, даже имея OCR под рукой, незрячий человек в магазине вынужден справляться с огромным количеством визуальной информации *помимо* ценника продукта.

> Я не хочу идти в супермаркет большой, потому что там мне будет тяжело. Во-первых, дойти в торговый центр и пройти по нему... — это, вообще говоря, задача нетривиальная. Никаких тактильных обозначений нет. Люди, которые ходят вокруг, они ходят во всех направлениях, они сбивают с мысли... Приходишь в магазин, ты должен точно знать, что тебе надо. Ты не можешь пойти посмотреть, а что у вас тут есть.
> *Анатолий, 34 года.*

Независимо от наличия OCR инвалидность появляется, когда Анатолий идет в супермаркет и взаимодействует с другими людьми, визуально организованными прилавками и продуктами. Она выражается, например, в виде ограничений на выбор продуктов («ты должен точно знать, что тебе надо»).

Различные модальности обучения — тактильная, дополненная визуальная, аудиальная — практикуются в специфических ситуациях и могут складываться в оригинальные сенсорные конфигурации.

> **Евгений:** Ну, я Брайль учил еще со школы.
> **Геннадий:** Да, у нас школа [была] специализированная для слабовидящих.
> **Евгений:** Там обучали Брайлю... Ну, так, мне проще по Брайлю, потому что можно много раз прочитать. А так переспрашивать как-то не хочется...
> **Геннадий:** А я вот такой гибрид вообще. Ну, то есть пишу-то я по Брайлю, потому что по-зрячему нету техники письма такой нормальной. А читаю, наоборот, по-зрячему лучше, потому что по Брайлю нет техники чтения... Читаю по-зрячему и ноты разбираю по-зрячему...
> **Дмитрий:** А я плоскопечатник... Ну, бывает, если мелко написано, то идешь ищешь звуковые конспекты. А так...

В обучении Евгений опирается на брайлевское чтение, хорошо выученное в детстве, Гена сочетает письмо на Брайле и дополненные визуальные практики чтения, а Дмитрий — визуальное чтение с аудиоконспектами. В основе выбора этих практик — специфические телесные навыки, развитые ими в разное время.

Различные комбинации сенсорных практик и устройств служат для студентов в том числе и способом «распределения» памяти.

> ...На определенных парах, например, такие как ОБЖ, элементарная теория музыки, приходится очень много запоминать. Я в этих случаях использую диктофон и систему Брайля.
> *Адиль, 18 лет.*

Сочетая различные технические и соматические способы регистрации текста, Адиль делает то же, что и студент Шанинки на интересной или важной лекции: не только пишет конспекты, но и записывает его на диктофон. Мы ежедневно распределяем свою память, оставляя записки на холодильнике, кладя вещи на видное место, составляя всевозможные календари и графики. Ингунн Мозер так описывает практики распределения памяти 30-летнего норвежца, получившего афазию после автомобильной аварии.

> Когда я навещала Роджера, он использовал язык тела и жесты, чтобы помогать словам. Если он забывал чье-либо имя, у него на компьютере или в других стратегических местах были прикреплены визитки людей. Или он смотрел свой фотоальбом и показывал мне фотографию. В этой ситуации его память, интеллектуальные способности и коммуникативная компетенция — все они были распределены между рядом акторов и сущностей, с гибкой медиацией [Moser, 2005, p. 677].

Память, распределение памяти играет важную роль в жизни незрячего человека — такую же, как и в жизни зрячего, однако именно отсутствие зрения делает сложности, уловки, материальные напоминания, используемые для запоминания мест и событий, *более явными*. Вместо визуальных символов, чаще всего используемых зрячим человеком, незрячий обращается к большому числу тактильных, слуховых, кинестетических, термоцептивных и прочих знаков. Возьмем пример с освоением фортепиано студентами музыкального колледжа: на инструменте 88 черно-белых клавиш, значение которых можно определить по их визуальному расположению относительно друг друга и цвету. Незрячий человек, не видя этих параметров клавиш, идентифицирует их для себя тактильно как «узкие и широкие», запоминая клавиши на ощупь.

Другой пример — термоцептивные и кинестетические знаки, помогающие незрячему человеку ориентироваться в городе.

> Это щека, кожный покров. Он по улице идет и прекрасно знает, вот ветер дует, я прохожу между домами, а сейчас вроде как потеплело, значит, я прохожу мимо здания. Вы нигде не увидите незрячую женщину в платке, потому что она будет щекой ощущать ветер. Вы не увидите мужчину в шапке-ушанке, потому что он тоже щекой будет стараться чувствовать вот это все.
> *Людмила, психолог.*

> Очень хорошая память у ребят тотально незрячих… Маршруты приходится запоминать… Где какие препятствия, где поворачивать, где что.
> *Татьяна, социальный педагог.*

Некоторые диктофоны позволяют студентам ставить аудиометки на файлах с лекциями или музыкальными произведениями.

> **Вопрос:** Ребята, а расскажите еще про диктофоны, пожалуйста. Обычно записываете все занятия на диктофон или…?
> **Студент 1:** Когда как.
> **Преподаватель:** Ну, а как? Им же экзамен сдавать по дисциплине. Поэтому они, конечно, записывают материал.
> **Вопрос:** А потом как работаете с тем, что на диктофоне?
> **Студент 2:** …Я, например, как делаю? Я, когда переслушиваю, если мне какое-то место надо, я в нем заметку или закладку сделаю.
> **Вопрос:** В аудиотреке?
> **Голос:** Да, в аудиотреке, в некоторых диктофонах есть возможность делать закладки. То есть [если] говорит учитель что-то такое, что нужно использовать при решении какой-то задачи.
> **Преподаватель:** Они у нас достаточно продвинутые в техническом плане.
> **Студент 2:** А в гармоническом нет…(смеются).
> *Транскрипт урока гармонии.*

Заключение

Автор попыталась представить тело как динамическую сущность, тесно сшитую с архитектурными и технологическими объектами. Тело постоянно совершает работу по различению этого мира, настраиваясь на него и передоверяя часть работы технологическим помощникам. Приведенные примеры, взятые из практик незрячих и слабовидящих людей, лишь наиболее ярко демонстрируют гибкость телесно-технологических границ и различные варианты успешного и неуспешного со-творчества тела и технологий.

В практиках незрячих и слабовидящих людей инвалидность не присутствует имманентно, но п(р)оявляется и исчезает в зависимости от того, что человек делает или что с ним происходит. Иногда эффектом практик является *способность (валидность, ability)*, т. е. гладкое, бесперебойное взаимодействие с текстом, обеспеченное хорошо скоординированной работой разных акторов. А иногда — *инвалидность, ограничения, поломка* в достижении цели, совершении действия. «Повторим стандартный урок STS: если сети на месте, а протезы работают, тогда существует способность (валидность, ability). Если же нет — тогда, очевидно, существует ин/валидность» [Moser, Law, 2007, p. 161–162].

Триггером инвалидности(ей) в таком понимании может быть ночное время суток; графическое изображение в тексте, читаемом через программу экранного доступа; визуально организованные полки в магазине. Множественность элементов, которые создают инвалидности в разных ситуациях, позволяет нам говорить об условности самого этого понятия; единая «инвалидность» распадается на множество мелких и крупных поломок и нестыковок, которые в различных ситуациях настигают человека без зрения.

Участники исследования

Иван, 28 лет, проживает в Московской области, высшее музыкальное образование (Российская государственная специализированная академия искусств), штатный звукорежиссер Радио ВОС. Потерял зрение в 11–12 лет, 1-я группа инвалидности.

Анатолий, 34 года, Москва, директор по инновациям в компании, занимающейся адаптацией и производством тифлотехники, высшее образование (МГУ, факультет госуправления), сотрудник ВОС, имеет инвалидность по зрению.

Ирина, 28 лет, Таганрог, студентка Кисловодского медицинского колледжа, имеет инвалидность по зрению.

Андрей, 55 лет, профессиональный музыкант, аранжировщик, преподаватель гитары, 1-я группа инвалидности.

Анатолий, 59 лет, родился в Мордовии, окончил Политехнический институт (специальность — радиотехника), менеджер в колл-центре, 2-я группа инвалидности.

Владимир, 28 лет, неоконченное высшее образование (Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства), супервайзер в колл-центре. Начал терять зрение с 9 лет, 2-я группа инвалидности.

Маргарита, 19 лет, Ростов-на-Дону, студентка Кисловодского медицинского колледжа, 2-я группа инвалидности.

Пантелей, 25 лет, Сургут, студент Кисловодского медицинского колледжа, 2-я группа инвалидности.

Заур, 29 лет, Черкесск, студент Кисловодского медицинского колледжа, 3-я группа инвалидности.

Сергей, 42 года, Краснодарский край, студент Кисловодского медицинского колледжа, в прошлом предприниматель, имеет инвалидность по зрению.

Машинистка по Брайлю, работает в Курском музыкальном колледже-интернате слепых, зрячая.

Адиль, 18 лет, Караганда (Казахстан), студент Курского музыкального колледжа-интерната слепых по специальности «Академический вокал», имеет инвалидность по зрению.

Преподаватель фортепиано Курского музыкального колледжа-интерната слепых, зрячая.

Аида, 28 лет, Дагестан, студентка Курского музыкального колледжа-интерната слепых, имеет инвалидность по зрению.

Александр, создатель электронной библиотеки аудиокниг http://av3715.ru, имеет инвалидность по зрению.

Геннадий, Брянская область, студент Курского музыкального колледжа-интерната слепых, имеет инвалидность по зрению и абсолютный слух.

Евгений, Брянская область, студент Курского музыкального колледжа-интерната слепых, имеет инвалидность по зрению.

Дмитрий, Владимирская область, студент Курского музыкального колледжа-интерната слепых, имеет инвалидность по зрению.

Павел, Архангельская область, студент 2-ого курса Курского музыкального колледжа-интерната слепых, имеет инвалидность по зрению.

Дмитрий, преподаватель диджеинга в Курском музыкальном колледже-интернате слепых, имеет инвалидность по зрению.

Денис, выпускник Курского музыкального колледжа-интерната слепых, студент Российской государственной специализированной академии искусств по классу баяна, имеет инвалидность по зрению.

Александр, выпускник Курского музыкального колледжа-интерната слепых, профессиональный настройщик пианино, с 2001 г. член Ассоциации фортепианных мастеров России, имеет инвалидность по зрению и абсолютный слух.

Людмила, психолог в Курском музыкальном колледже-интернате слепых, зрячая.

Владимир, редактор специализированного журнала для незрячих «Наша жизнь», поэт, тотально незрячий.

Преподаватель гармонии в Курском музыкальном колледже-интернате слепых, зрячая.

Татьяна, социальный педагог в Курском музыкальном колледже-интернате слепых, зрячая.

Елена, 29 лет, родилась в Белоруссии, высшее музыкальное образование (Российская государственная специализированная академия искусств), профессиональная пианистка и преподаватель фортепиано, имеет инвалидность по зрению.

Библиография

Латур Б. (2015) Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки. *Метаморфозы телесности*, СПб..: Изд-во РХГА: 250–287.

Мерло-Понти М. (1999) *Феноменология восприятия*, СПб.: Наука.

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17 декабря 2015 г. № 1024н *«О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы»*.

Hall E. (1990) *The Hidden Dimension*, N.Y.: Anchor Books Editions.

Law J. (2004) *After Method. Mess in social science research*, Routledge.

McLuhan M. (1994) *Understanding Media: the extensions of man*, MIT Press.

Mol A. (2002) *The Body Multiple*, Duke University Press.

Moser I. (2005) On becoming disabled and articulating alternatives. *Cultural Studies*, 19 (6): 667–700.

Moser I., Law J. (2003) Making Voices: New Media Technologies, Disabilities, and Articulation. G. Liestøl, A. Morrison, T. Rasmussen (eds). *Digital Media Revisited: Theoretical and Conceptual Innovation in Digital Domains*, Cambridge, Mass., London: MIT Press: 491–520.

Moser I., Law J. (2007) Good Passages, Bad Passages. K. Asdal, B. Brenna (eds). *Technoscience. The politics of intervention*, Unipub Norway: 157–178.

Schillmeier M. (2007) Dis/abling spaces of calculation: blindness and money in everyday life. Environment and Planning D. *Society and Space*, (25): 594–609.

References

Hall E. (1990) *The Hidden Dimension*, N.Y.: Anchor Books Editions.

Latour B. (2015) Kak govorit' o tele? Normativnoe izmerenie issledovanij nauki [How to Talk About the Body? The Normative Dimension of Science Studies]. *Metamorfozy telesnosti [Metamorphoses of corporality]*, SPb.: Izd. RHGA: 250–287.

Law J. (2004) *After Method. Mess in social science research*, Routledge.

McLuhan M. (1994) *Understanding Media: the extensions of man*, MIT Press.

Merleau-Ponty M. (1999) *Fenomenologija vosprijatija [Phenomenology of Perception]*, SPb.: Nauka.

Mol A. (2002) *The Body Multiple*, Duke University Press.

Moser I. (2005) On becoming disabled and articulating alternatives. *Cultural Studies*, 19 (6): 667–700.

Moser I., Law J. (2003) Making Voices: New Media Technologies, Disabilities, and Articulation. G. Liestøl, A. Morrison, T. Rasmussen (eds). *Digital Media Revisited: Theoretical and Conceptual Innovation in Digital Domains*, Cambridge, Mass., London: MIT Press: 491–520.

Moser I., Law J. (2007) Good Passages, Bad Passages. K. Asdal, B. Brenna (eds). *Technoscience. The politics of intervention*, Unipub Norway: 157–178.

Prikaz Ministerstva truda i social'noj zashhity RF ot 17 dekabrja 2015 g. № 1024n "O klassifikacijah i kriterijah, ispol'zuemyh pri osushhestvlenii mediko-social'noj jekspertizy grazhdan federal'nymi gosudarstvennymi uchrezhdenijami mediko-social'noj jekspertizy" [Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of December 17, 2015 No. 1024n "On classifications and criteria used in the implementation of medical and social expertise of citizens by federal state institutions of medical and social expertise"].

Schillmeier M. (2007) Dis/abling spaces of calculation: blindness and money in everyday life. Environment and Planning D. *Society and Space*, (25): 594–609.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Курленкова А.С. (2017) Работа тела и технологий: анализ практик чтения и письма в Курском музыкальном колледже-интернате слепых. *Социология власти*, 29 (3): 122–143.

Kurlenkova A.S. (2017) The Work of Body and Technologies: Analysis of Practices of Reading and Writing in Kursk Musical College-Boarding House for the Blind. *Sociology of Power*, 29 (3): 122–143.

Поступила в редакцию: 12.08.2017; принята в печать: 11.09.2017